

Амвросий Юшкевич

**СЛОВО В ВЫСОЧАЙШИЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ
БЛАГОЧЕСТИВЕЙШИЯ САМОДЕРЖАВНЕЙШИЯ
ВЕЛИКИЯ ГОСУДАРЫНИ НАШЕЯ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ ВСЕЯ РОССИИ,
декабря 18 дня 1741 проповеданное Амвросием
архиепископом Новгородским в Санкт-Петербургской
придворной церкви ея величества**

Весть отец наш, их же требусте.

Евангел. Матф. Гл. 6. Ст. 8.

И Отец наш есть Бог милосердый, и ведает совершенно, чего мы требуем. Не надобно Ему толковать много, Сам, яко истинный сердцевед, прежде прошения нашего все наши нужды, желания и потребы лучше нас самих знает. Почто ж напрасно суетимся, молвим и печемся о временных? Может ли отец или мать родная запомнить о детях своих и не помиловать их? Кажется, таких родителей сыскать весьма трудно. Но хотя бы в свете такие немилосердые отцы или матери и сыскались могли, которые бы о детях своих попечения не имели и об оных не помнили, однако Бог всемогущий не в пример тому делает, всегда о человеке промышляет. Разве он сам своею волею и своими грехами от Него отстанет, инако же никогда его не оставляет. Утверждает сие Сам пречистыми усты своими чрез Пророка Исайю в главе 49: «Еда забудет мати отроча свое, яко не помиловати исчадия чрева своего? Аще же и забудет то жена, но аз не забуду тебе, глаголет Господь: се в руку мою вписах грады твоя и предо мною еси присно». Хотел сказать: «Я всегда в глазах моих имею тя, всегда о тебе помышляю, и во всяких бедах и нуждах твоих никогда тебе не оставляю».

Бросила Агарь, мать родная, сына своего Измаила на пустыни под дровом, оставила чадо свое, почти уже умирающее от жажды; но Бог благоутробный не оставил, послал Ангела своего, который ему показал источник воды живыя, и не токмо жажду его утолил нестерпимую, но и здравие и живот его сохранил неврежденный. Выбросили также в реку собственные

родители сына своего Моисея, выпустили вон по воде из дому своего в самой малой лоточке, отдали здравие и живот его весьма опасным стихиям, то есть ветру и воде поверили и почти во-вся оставили. Но и тут общий всех Отец Бог наш не оставил его, промыслил ему вся полезная и здравие его сохранил в целости и воспитание его вручил царскому дому: ибо узревши его дщи Фараонова в малой ладийце плавающая, повелела взяти его и вместо сына своего воспитати и научити всякия хитрости и премудрости египетския. И таким то дивным образом приугов-товляет Бог Моисея к управлению народа Израильского.

Не меньший промысл показал Бог и на Давиде, когда за его незлобие и превеликую кротость, восхотел возвести его на престол Израильский; но прежде царствования, о! коль многими он искушен был печальми, так что почти бесчисленные претерпел бедства и гонения от врагов своих, которые всякими образы, да еще чрез многие лета старались и различные к тому употребляли хитрости, как бы его не допустить до короны. Однако Бог милосердый толь хранил, оборонял и защищал Давида, что и самый главный враг его Саул весьма тому удивлялся и грех свой перед всеми исповедывал: «ныне се аз видех, яко царю царствовати имаши, и стати иматъ в руце твои царство Израилево».

А наипаче в то время познал Саул совершенно, что Бог особливо хранит Давида для того, дабы конечно он царствовал в Израили. Когда случилось Саулу, гонящемуся за Давидом с воинством своим и весьма утрудившемуся, крепко глубоким сном уснути; и когда все они по трудах спали как мертвые, тогда прииде Давид тайно в обоз Саулов и имея в руках врага своего, мог одним токмо ударением убить его. Однако того он не сделал, главы своя искателя помиловал и ниже прикоснулся к нему; одно токмо копие, при его возглавии стоящее, взял ради знамения, дабы Саул познал, в каком был опасении, и како то Давид не хочет мстити за свою обиду, но еще и здравие и живот его защищает. Ибо вышедши из обоза Саулова, тотчас закричал Авениру, вождю воинства Саулова: «Почто не храниши господина своего? Не благо се есть зело, еже сотвори: жив Господь. Яко сынове есте смерти вси вы, нехраняще Господа своего, и ныне виждь, где есть копье царево, еже бе при возглавии его; ведай ты сие подлинно, в чьих руках копие Саулово ныне имеетя, в тех же руках и живот его обращался»; но не восхотел ему ни единого зла сотворити.

Удивлятися надобно воистину таковому великодушию и милосердию Давидову: главный враг его спит, а он над ним бодрствует и хранит здравие. И хотя Авеса воин многократно приступал к Давиду и советовал ему, дабы убил Саула, глаголя

к нему: се дал ти есть Господь днесь врага твоего в руце твои. И се да убью его. И рече Давид Авесе: «Не убивай его, аще не Господь низложит его, да будет мне возложить мне руку мою на Христа Господня». И тако Давид многим терпением, а наипаче необычным показанным над врагами своими милосердием, получил определенное себе от Бога царство Израилево. Не мог никто отнять того у Давида, чем Бог милосердый хотел пожаловать его.

Но на что нам ходить далече и искать образцов и примеров промысла Божия? Мы его явственно и почти чувствительно видим в тебе, всепресветлейшая самодержица наша. Известно есть не токмо Всероссийской империи, но и всему свету, что еще по кончине блаженная памяти императора Петра Второго, тебе, яко дщери законной обоих коронованных родителей твоих, наследие всероссийского престола надлежало. Но о наше-го неблагодарность! За наши грехи и беззакония послал Бог недобросовестных человеков, которые, презрев всего отечества нашего общую пользу для своя богоненавистныя корысти, сделали препятствие к законному восприятию престола всероссийского тебе, всеавгустейшая монархиня наша! О коль усердно не токмо вся Россия, но и самые иностранные государства еще в то время на главе твоей корону видеть желали и нетерпеливо того дожидались, дабы ваше императорское величество на родительском престоле всероссийския империи поздравлять удостоились!

Свидетельствует ныне о том всего народа несказанная радость, которою внутрь возбуждаясь все обще, малые и великие веселятся, духовные и мирские торжествуют, воины и граждане руками плещут и гласы веселье к Богу возносят: слава Богу всемогущему за его неизглаголаные щедроты, услышал Бог милосердый молитву нашу, исполнил во благих желание наше, не презрил слез и воздыханий наших, еще Россию помиловал, еще не вося оставил нас, когда древнее наше усердие благополучным увенчал событием, возвел на престол родительский законную наследницу, даровал матерь благоутробнейшую, вся на пользу нашу промышляющую, пожаловал нам чрез многие лета желаемую императрицу.

Как же нам радостных не являть воскликновений? Как в сердцах наших не ощущать веселия? И как триумфальных, даже до небес, не возносить гласов, когда толь великий промысл и особенное Божие к нам видим милосердие? Еще мы о сем нашем благополучии не могли и помыслить, а уже Бог и Отец наш благоутробный предвидел сие и предустановил в нашу пользу и благосостояние еще в рождении самодержицы нашей и вечным своим советом определил ей наследный сей,

которым она ныне благополучно владеть начала, скипетр и державу всероссийскую. И хотя то в наказание наше чрез столько лет продолжалось и многими было заграждено противностями и неудобствами человеческими; однако, что Бог вечный определил непременимыми своими судьбами, того никто, ни самый ад, со всеми крайними своими силами, не мог и не может переменить и тому воспрепятствовать. Ибо когда возьмем в здравое рассуждение все нынешнего праздника окрестности, то увидим явственно, что владей царством человеческим Бог наш еще в рождении ея императорского величества назначил и определил ей державу всероссийского престола, как то ясно покажется от сего следующего краткого и скудоумного слова, которое да будет в честь и славу Богу в Троице Святей славимому, слышателью ж в пользу духовную.

Не надобно о том много трудиться и искать доказательств: самые высокочественного дня нынешнего обстоятельства ясные света полуденного показывают нам то, чем мы, ныне сердцем и душою обрадованные, поздравляем ея императорское величество. Ибо ежели посмотрим на все законы, то есть на естественный, гражданский и божественный, по которым наследие твердо и непременно потомкам остается, тех всех существенные свойства, даже до последней черты, в наследии империи Всероссийския ея императорского величества имеются. Рождена ея величество от обоих коронованных лиц, от обоих законовладельных самодержавных героев и монархов, которые не только по прерогативам своего самодержавия, но и по самым своим несслыханным к отечеству заслугам имели истинный закон вечно со всеми своими высочайшими потомками престол российский наследовать. Ибо что надлежит до преславных заслуг их, то я не знаю, есть ли в свете уголок земли такой, есть ли народ такой дикий и незнаемый, чтоб до него не дошел слух дел и славы Петра Великого и чтоб не знал он, кто и что был в России Петр Первый, кто и что была Екатерина? Но ежели ж и забыл их ныне свет, то не дивно: было по чему забывать их. То дивно, когда и у нас самих, толикими превысочайшими дарами обогащенных, толикими трудами, славами и победами их одолженных, но неблагодарных детей их, начали было они в крайнее приходить забвение.

Однако как то ни было, хотя и смерть от нас к вечному животу их восхитила, хотя и неблагодарство наше и память их в нас заглаждать было начало, но не могли умереть вечные труды их, не могли никогда в забвение прийти приобретенные ими нажитки их, и по смерти нам в наследие вечно оставленные. Ибо, ежели и не зная Петра и Екатерины, хочет кто ныне познать их, посмотри только прилежно на Россию нашу, она тебе бес-

смертным в том будет свидетелем. Воззри, во-первых, на преславную титулу императорскую всероссийскую, тотчас тут увидишь и узнаешь величество и славу Петрову. Ибо от Владимира до державы Петра Великого считается по историям тридцать самодержцев всероссийских, из которых хотя делами своими были в свете славны, как то видно из того, что прежнюю свою княжескую титулу на великокняжескую, а потом и на царскую заслугами и победами своими возмogli переменить. Однако ни один из них не был толь совершенным, чтоб престолу своему мог оставить титул императорский. Един только Петр особливый Божьим промыслом рожденный, на престол возведенный и Богом венчанный император, оную и себе заслужил, и всем своим наследникам вечно оставил.

Но обратися еще на воинство российское и рассмотри его искусство, испытай мужество, прикинь в его крепость и силу, всему свету удивительную и ужасную, спроси ж, от кого оно ныне то имеет, чего прежде и не видало? Кто ему вместо бердышей посмеятельных показал толь искусно, толь храбро и скоро действовать и владеть огненным оружием? Кто научил его таковые иметь непостижимые воинские хитрости? Кто же отверзл ему путь морской во все государства новым, но всем старинным не уступающим и ужасным флотом? И тут познаешь, кто был Петр, кто была и пособствовавшая ему во всем Екатерина? Возведи очи твои и на гражданство Российское, посмотри на политическое его обхождение, на премудрое учреждение коллегий и судов государственных, на преславные и почти с самыми древнейшими иностранными сравниться могущими заводами различные фабрики и художества и испытай, как они заведены и кто вывел грубое прежних обычаев наших варварство и свирепство? Сие все тебе покажет, кто был Петр, кто была Екатерина. Наконец, ежели изволишь еще яснее познать их, прикинь и в духовенство Российское, где было по человеку не возможно и помыслить о сем, а не только понять такие неудобства и трудности, чтоб в единое время учреждать артикулы воинские, воевать без отдышки чрез несколько десятков лет, по различным странам и государствам путешествовать, заводить флот, и при том все духовное и гражданское исправлять благосостояние, а все то делать с крайнею трудностию и почти с опасением самого живота своего дражайшего! О! воистину тут Петр крайнюю свою ревность к отечеству засвидетельствовал, когда, Богом поспешествуемый, все то исправить возмogli вместе и в единое время, что иные государства делали чрез многие веки. Когда он воевал, учил воевать воинство; когда учил воинство, устраивал благополучие внутреннего гражданства; когда устраивал благополучие гражданства, и о духовном своем чине

промышлять не оставил. Видел он совершенство, ово из древних историй, ово же и сам своим уже искусством, как народ Российский тогда был неславный и посмеятельный, видел, как был вовся темный в науках и непросвещенный, и того ради великою суммою сыскивал людей ученых, содержал их во всяком довольстве и почтении, посылал своих подданных для науки и всякой экспериенции в иностранные государства, старался везде заводить училища духовные и политические, снабдевал их весьма мудрыми и славными учителями, и, что всего удивительнее, сам своею императорскою персоною почти по всей Европе странствовать изволил для единого того, чтоб, рассмотрев тамошнее состояние училищ воинства, гражданства и мастерства корабельного, завести то таким же образом и в своем государстве. Но в чем толь крайнею силою трудился и что так великим прилежанием приобретал Петр, во всем том неотступно присутствовала и все то также приобретала и Екатерина.

И тако сии героичные дела их рассматривая, весьма ясно и довольно всяк познать может Петра нашего, познать может и Екатерину: ибо, по-человечески, непременно надобно думать, что все то делано от многих сот лет, многою силою и хитростию и многими руками и головами, что Петр Великий и Екатерина сделали сами одни, в самое короткое время жития своего и в самых трудных обстоятельствах на вечную славу своему Отечеству.

Но остановись еще мало и над сим царствующим градом Санкт-Петербургом, посмотри на его места положение, на его самое начало и предивное строение; кто начал, кто созидал и трудился здесь? Аще мы умолчим, каменья возопиют, домик Петра Великого засвидетельствует, сколько он положил здесь трудов и потов на созидание сего града. И се то суть бессмертные Петра Великого и Екатерины свидетели! Се немолчные о достойнейших высоких заслугах их проповедники, которые во все веки не умрут, не умолчат о том и всегда громчае трубы проповедать будут, кто был Петр, кто была Екатерина и кому Россия наша всем своим благополучием должна есть.

Таковых законных и всего добра нашего виновных императоров наших, где лучшее было наследие и кому оно больше надлежало как ея императорскому величеству, счастливо ныне владычествующей нашей монархине? Кто имел лучший закон к наследию родителями славы и добра нажитого, как вселюбезнейшее и предражайшее их чадо? Так воистину внушает нам естественный, так подтверждает гражданский, так и божественный закон глаголет, ибо Числ в главе 27, когда между дочерьми Салпадовыми сделался спор о наследии родительском, тогда сам Бог таковую в лице их всем в вечные роды

определил заповедь, что наследие отеческое никому не может быть ближайшее, как сыну; в случай же, когда не будет у него сына, самая близкая во всем том наследница есть дочь. «Человек, — рече, — аще умрет, и не будет сына ему, да возложите причастие его на дочь его». И что ж сего яснее и довольнее? Что лучше нас в том утвердить может как то, что Сам Господь Бог милосердый и неложный определить изволил? От которых толь ясных доказательств, а наипаче от свидетельства Писания Священного видим и явственно мы видим, что еще в рождении ея императорского величества определил Бог быть ей истинною законною сего родительского ея престола наследницею. И как он определил, так и сделал.

Говорите ж теперь, безбожники, неисповедающие Бога и его Промысла, что то сделала фортуна, слепой случай, а не Бог всеми владычествующий — блядословите. Сколько вас начальник ваш диавол к тому не поучает, однако сего превратить никогда не можете, что Бог всемогущий сам собою утвердить изволил, «без мене, — рече, — не можете творити ничесоже». Ежели ничесоже, то кольми паче такого преважного дела без его Промысла и помощи сделать отнюдь не возможно было. Говорите сколько хотите, я вам пророческие слова, Духом Святым реченные, привожу во свидетельство: «владеет вышний царством человеческим, и ему же хочет, даст е». Аще сему не веруете, слышите Давида, о себе глаголющего: «Аз, — рече, — поставлен есмь царь от Него», то есть от Бога. Аще же и сие вас не уверяет, то пойдите к большему Писания Священного свидетельству и познайте истину в книгах Царств вторых, в главе 12; Сам Бог к Давиду глаголет: «Аз помазах тя на царство по Израили». Рассудите сии словеса Божии, говорит Бог явственно «Аз», не фортуна, не случай, не народ Израильский, но Я, который небом и землю владею, и которого есть вселенная и исполнение ея, поставил тебе, Давид, царем над Израилем. Ежели ж еще и сего недовольно, я вам и другое дивных судеб Божиих покажу свидетельство, которое о истинном наследии всероссийского престола ея императорскому величеству еще в рождении ея Бог всемогущий определить благоволил.

День той, который был началом дражайшего жития ея императорского величества, празднует в себе память святого мученика Севастиана. Севастиан имя греческое, сложенное из сего имени Σεβας, или Σεβασμα, а толкуется на нашем языке *достоин чести*, но чести не простыя, чести такая, которая самому токмо всевышнему Богу достоин и по нем лице его на земли носящим наместникам его, помазанным государям. О, коль сие истинно, коль прилично особливым смотрением своим к единой тебе, все милостивейшая мать, всероссийская государыня

наша, определил Бог всевидящий! Кто бо усумниться может, что ты достойна была сея наследных доказательств, по единому преславного великодушия и мужества исполненному житию твоему?

Жалостно то вспомнать, но нельзя правды утаить, как Бог от самых блаженных кончин вселюбезнейших твоих родителей водил тебе чрез всю жизнь твою по остроуму и язвительному тернию. Не терние ли то было, шлюсь я на рассуждение всякого, видеть свой наследственный государственный скипетр чужими руками обладаемый? Не терние ли то было в собственном добре, собственными родителями твоими приобретенном, почти пепел за хлеб иметь, а питание с плачем растворять? Не терние ли то, наконец, было терпеть от своих подданных рабов, сущей порфирородной императорской дщери крайнее презрение и сверх того быть еще во всегдашнем опасении живота и здравия дражайшего? О терние! Терние воистину наипронзательнейшее! Терние не тело только, но и душу самую уязвляющее! Но сие все неподвижное твое сердце охотно сносило, все бедства, все печали побеждало необычное твое великодушие так, что будто ты ничего в себе не ощущала, будто во всем надлежащем своим благополучии жила. Всегда радовалась, всегда печаль свою заглаждала мужественным веселием; и от чего и чем иные побеждены бывають, ты над тем всегда совершенно царствовала.

Словом сказать, слезы горькие были тебе сладостным веселием, болезнь внутренносердечная обыкновенно покрыта была у тебе радостью всегдашнею и самое то, о чем надобно бы беспрестанно жалеть и уязвляться, тебе всегда приносило вящую надежду на Бога, так действительно, что при такой надежде несомненной, непрестанно Божиим несказанным внутрь веселием улаждаемая, всегда довольствовалась, всегда о Господе торжествовала, глаголющи себе с Пророком Исаиею 33: «Бог мой велик есть, не минет мене Господь, Судия мой Господь, Царь мой Господь, той мене спасет». И как она твердо в Бога веровала, как несомненно на него надежду полагала, так по ея вере Господь и сделал: послал ей сердце мужественное, вливал дух Петров, даровал храбрость Иудифину, которою внутрь возбуждаемая и Господем своим аки непробратимым оружием защищаемая, пошла к надежным своим и давно уже того желающим солдатам и объявила им свое намерение и кратко им сказать изволила: «Знаете ли ребята, кто я? И чья дочь?» Родители мои возлюбленнейшие Петр Великий и Екатерина трудились, заводили регуляторство, нажили великое сокровище многими трудами, а ныне все то растащено, сверх же того еще и моего живота ищут. Но не столько мне себя жаль, как вседражайшего Отечества, которое, чужими головами управляемое, напрасно

разоряется, и людей столько неведомо за кого пропадает. Кому ж верно служить хочете? Мне ли, природной государыне, или другим, незаконно мое наследие похитившим? И как то они услышали, того ж часа все единогласно закричали: «Тебе, все-милостивейшая государыня, за тебя последнюю каплю крови излить готовы; мы того давно желаем и дожидаемся, ныне время благополучное, ныне день приспел российского спасения». Сие сказавши и ко кресту святому приложившись, начали во имя Господне исправлять дело свое и сделали то в один час, что иные делали чрез многие лета и со многим кровопролитием: всех противных да еще с великою милостию взяли и под ноги ея императорскому величеству покорили. О, радости! О, торжества несказанного! О действия нигде и в историях необретаемого, да купно же и страха превеликого! Ибо горя презельною к своему Отечеству любовью, здравие и живот свой в крайнее опасение предать она понудилась, не имея ни командира над солдатами, ни офицера присутствующего, сама была и полковник, сама и офицер командующий. Один только Бог милосердый неотступно ей присутствовал и яко собственный ее защитник и хранитель научал «руце ея на ополчение и персты ея на брань». Он во всем том намеренном деле был ей руководитель и наставник и столько на ню излиял духа своего и ободрил ея сердце, яко довольна была при его благодати сделать то, чего и ум человеческий постигнуть не может. О, коль чудны и дивны суть дела твои Господи!

Славит Писание Священное Иудифь прехрабрую за то, что она свою премудростию, а наипаче твердым на Бога упованием главному врагу Олоферну, вождю вавилонскому, сама одна голову отсекала и все воинство его преславное победила. Воспоминает Иаиль жену также мужественную, которая князя Моавитского Сисару умертвила. Прославляет народ Израильский, даже до сего дня, Есфирь пречудную за ея превеликое в крайней беде заступление, которое она весьма ревностно показала в то время, когда намерено было весь народ Израильский до единого человека погубити, ибо она с великим сокрушением сердца молила Господа: «Ныне Господи Боже Царю, пощади люди Твоя, яко зазирают нам в погибель и вожделеша погубить наследие Твое». И хотя явственную смерть в глазах видела, однак любовь народа своего побеждаемая, дерзнула внити пред царя Артаксеркса и просить о избавлении от погубления людей своих, что и получить благополучно удостоилась.

Большая похвалы достойна наша всероссийская героиня, ибо оная народ свой свободила от врагов токмо внешних и явленных, наша же преславная победительница избавила Россию от врагов внутренних и сокровенных. Сие и самый последний

ведать может, что как болезнь внутренняя есть тяжчайшая и опаснейшая, так и враг внутренний и сокровенный есть страшнейший. Но такие то все были враги наши, которые под видом будто верности отечество наше разоряли; и смотри, какую диавол дал им придумать хитрость. Во-первых, на благочестие и веру нашу православную наступили, но таким образом и претекстом, будто они не веру, но непотребное и весьма вредительное христианству суеверие искореняют. О, коль многое множество под таким притвором людей духовных, а наипаче ученых истребили, монахов порасстригали и перемучили; спроси ж, за что? Больше ответа не услышишь, кроме сего: суевер, ханжа, лицемер, ни к чему не годный. Сие же все делали такою хитростию и умыслом, чтоб вовся в России истребить священство православное и завести нововымышленную беспоповщину. Разговору большего у них не было, как токмо о людях ученых; О Боже! Как то несчастлива в том Россия, что людей ученых не имеет и учения завести не может! Не знающий человек их хитрости и коварства думал, что они то говорят от любви и ревности к России, а они для того нарочно, чтоб где-нибудь сыскав человека ученого, погубить его. Был ли кто из русских искусный, например художник, инженер, архитектор или солдат старый, а наипаче, ежели он был ученик Петра Великаго, тут они тысячу способов придумывали, как бы его уловить, к делу какому-нибудь привязать, под интерес подвести и таким образом или голову ему отсечь, или послать в такое место, где надобно необходимо и самому умереть от глада за то, что он инженер, что он архитектор, что он ученик Петра Великаго. Под образом будто хранения чести, здравия и интереса государева, о! коль бесчисленное множество, коль многие тысячи людей благочестивых, верных, добросовестных, невинных, Бога и государство весьма любящих, в тайную похищали, в смрадных узиллицах и темницах заключали, гладом морили, пытали, мучили, кровь невинную потоками проливали!

Сего их обмана народ незнающий помышлял, что они делают сие от крайня верности; а они таким то безбожным образом и такою то завесою покровенные людей верных истребляли. Кратко сказать, всех людей добрых, простосердечных, государству доброжелательных и отечеству весьма нужных и потребных под разными претекстами губили, разоряли и вовся искореняли, а равных себе безбожников, бессовестных грабителей, казны государственныя похитителей весьма любили, ублажали, почитали, в ранги великие производили, отчинами и денег многими тысячами жаловали и награждали.

Было то воистину, что и говорить стыдно; однак, то сущая правда: придет какой-нибудь человек иностранный незнаемый

(не говорю о честных и знатных персонах, которые по заслугам своим в России всякия чести достойны, но о тех, которые еще в России никогда не бывали и никаких заслуг ей не показали) такова, говорю я, нового гостя, ежели они усмотрят, что он к их совести угоден будет, то хотя бы и не знал ничего, хотя б не умел трех перечесть, но за то одно, что он иноземец, а наипаче, что их совести нравен, минув достойных и заслуженных людей российских, надобно произвесть в президенты, в советники, в штаты, и жалования определить многия тысячи. И такой то совести были оныя внутренние враги наши! Такой то сатанинской верности! Многим казалось, что они верно служат, воюют за церковь Христову, подвизаются за Отечество, а они таким образом приводили Россию в бессилие, в нищету и в крайнее разорение.

Вспомните себе только недавно минувшую войну турецкую; сколько они без всякой баталии и сражения старых солдат гладом поморили, сколько в степях жаждою умертвили, да сколько ж сот тысяч церковников и других рекрут перебрали, а все они почти напрасно, для одной только их добычи и суетной корысти головы свои положили, но те все то делали притворно под образом верности. Многократно заслуги свои представляли, похваляя свою России верность и доброжелательство, но лгали бессовестно на свою душу, ибо ежели бы они были прямые отечеству доброхоты, так ли бы нарочно людей наших на явную смерть посылали, так ли бы только тенью, только телом здесь, а сердцем и душою вне России пребывали? Такими они сами оказали себя, когда все свои сокровища, все богатства, в России неправдою нажитые, вон из России за море высылали и тамо иные в банки, иные на проценты многие миллионы полагали. Кто ж им со Христом Евангельских слов не воспишет: «Иде же сокровище ваше, ту есть и сердце ваше?» Ежели кто сему не хочет веровать, поиде в Голландию, в Англию, тамо лучше уведает. И от таковых потайных разорителей Отечества нашего чрез вторую Иудифь, всемилостивейшую государыню нашу, Господь Бог освободил нас. О! коль премного должны мы благодарить ему за такое превеликое его благоутробие, что Он не по делом нашим судил нам и наказал нас, но по Своей неизреченной милости сотворил с нами, умилосердился над нами и помиловал нас, и даровал нам ныне полное от помянутых врагов освобождение.

Не меньше должны мы благодарить и тебе, преславной тех же неприятелей наших победительнице, яко тобою от толиких бед и разорений мы свободилися. Предстает ныне пред лице твоего величества вся Россия и под ноги твои победительные с глубочайшим смирением упадая, всеподданнейшее приносит

благодарение, купно же и Иудифины похвалы тебе восписуя глаголет: «Ты еси похвала России, ты веселие отечества нашего, ты честь людей наших, ты сотворила зело мужески, яко рука Господня укрепи тя, и будеши благословенна вовеки». При том усердном своем благодарении большего тебе дара принести не имеет, токмо из глубины сердца о твоём здравии и спасении к Богу воздыхает и его милосердие смиренно молит: «Боже наш, всего добра дателю, ты даровал еси нам давно уже нами желаемую императрицу, даруй же ей совершенное и всецелое здравие, не отступай от нея никогда во всех государственных нуждах, но всегда с нею помощию и благодатию Твоею присутствуй; и как нечаянно обрадовал еси всю Россию преславною ея внутренних врагов победою, так и всех внешних устрашив, ея ж мужеством и великодушием, благослови державу ея миром желаемым и сохрани ю ради наша общия церковныя и гражданския пользы и защищения, на многия лета! Аминь».